

К 150-летию А.А. Богданова

© 2023 г.

Г.Д. ГЛОВЕЛИ

А.А. БОГДАНОВ КАК СОЦИОЛОГ И УТОПИСТ: ПРОБЛЕМА «КЛАССА ДЛЯ СЕБЯ»

ГЛОВЕЛИ Георгий Джемалович – доктор экономических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (glovelig@mail.ru).

Аннотация. Статья эксплицирует социологическую и социально-утопическую стороны всеобщей организационной концепции русского ученого-энциклопедиста А.А. Богданова (1873–1928), относившего себя к социологической школе Маркса. Показана богдановская модификация марксистского подхода к социальной структуре капиталистического общества, акцентировавшая проблему превращения в «класс для себя» (*«klasse für sich»*), с одной стороны, для индустриального пролетариата, с другой – для социальной группы технической интеллигенции. Анализ Богдановым технической интеллигенции как социологической категории рассматривается в контексте русских дебатов начала XX в. о классовой природе интеллигенции, американской утопии технократии и утопии «пролетарской культуры» самого Богданова.

Ключевые слова: А.А. Богданов • марксистская социология в России • «класс для себя» • пролетариат • техническая интеллигенция • социальный идеал • технократия • социализм

DOI: 10.31857/S013216250028530-6

Известно, что при своем возникновении и самоопределении социология получила сильные импульсы от утопического социализма [Давыдов, 1994: 17–21]. «Научный социализм» К. Маркса – Ф. Энгельса дистанцировался от первой, не принимая «дрянного позитивизма» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 31: 197] ее основателя О. Конта, и решительно противопоставил себя второму. Но уже к рубежу XIX–XX вв. распространилась оценка материалистического понимания истории как «социологического учения» Маркса [Филиппов, 1897], несущего, как и контовская социология, явственный отпечаток философии истории искрометного утописта К.А. Сен-Симона [Барт, 1902]. Впрочем, в России марксизм тогда снискал репутацию «экономического материализма», обрушившегося на русскую социологическую школу, имевшую собственные утопические корни [Кареев, 1996: 49, 187–240]. Она же воспринимала марксистскую социологию как сведение всей общественной культуры исключительно к экономической основе [Кареев, 1996: 203].

Именно в это время в русскую общественную мысль стремительно вошел Александр Александрович Богданов (Малиновский). Прославившийся (особенно в кругах молодой российской социал-демократии) «Кратким курсом экономической науки» (1897), он решительно заявил о себе как о стороннике «современной школы социологии» [Богданов, 1899: 213], выражавшей классовые интересы пролетариата. Богданов занял особое и до сих пор недооцененное место в истории марксизма в том числе и благодаря тому, что, в отличие от основоположников и их эпигонов (и критиков тоже!), не отождествлял

«научный социализм» с принципиальным отказом от описания грядущего социалистического строя. Напротив, он не преминул обратиться к жанровой утопии [Богданов, 1990: 104–283], чтобы наполнить элементами «научного предвидения» наметки в первой главе первого тома «Капитала» Маркса на нефетишистские «отношения практической повседневной жизни людей», выраженные в «прозрачных и разумных связях их между собой и природой» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 23: 90, 88].

В воспоминаниях о детстве Богданов описал, как им сызмальства завладела «утопия разумных человеческих отношений» [Богданов, 1995: 27]. В молодости она была ограничена «научным откровением» марксизма, усвоенного лектором-студентом в процессе кружковых занятий с рабочими заводов Тулы. Эти кружки остались для Богданова «конкретным образом практических идеалов нашего времени и в то же время зародышевой формой их осуществления» [Богданов, 1906: 200]. «Широкие запросы наших рабочих в области общего мировоззрения» [Богданов, 1995: 18] не только направили его к учению о пролетариате как «классе для себя» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 4: 183], но и придали социологическую определенность «стремлению познающего ума к цельности» [Богданов, 1899: 211]: «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры» [Богданов, 1924: 240].

Итогом стала «методология миропонимания», заявленная сначала как «гносеологический социал-демократизм» [Богданов, 2003: 226], а затем – как постановка «культурных задач нашего времени» в контексте мировых процессов «организации – дезорганизации» [Богданов, 1911: 22]. Убежденность в полном соответствии «организационной» методологии идеалам познания («монизм науки» [Богданов, 1990: 118]) и социального преобразования («планомерное строительство социальной жизни» [Богданов, 1995: 115]) сделала Богданова чрезвычайно ярким примером той «амбивалентности» глубокого и разностороннего взаимодействия теоретической социологии с социальной утопией [Давыдов, 1994: 21], которая уходит корнями в модернистский дискурс: осознание социального порядка как изменчивого и несовершенного и рационализированное стремление перестроить его. Утопия включает в себя, «с одной стороны, опыт реального города, в котором живут люди, с другой – страстный порыв к идеальному граду, олицетворяющему более или менее энергичную жажду перемен» [Мараваль, 1991: 210]. Социология стремилась «развести» «сущее» и «должное» и эволюционировала к дистанцированному и скрупулезному изучению опыта реального города (и не только города), но ее истоки – в порыве к идеальному граду под «секуляризованными небесами» [там же: 217].

Для Богданова тульские рабочие кружки послужили главным «опытом реального города», вдохновляющим на тернистый путь, на котором социологическое структурирование реальности нередко пронизывалось социальным утопизмом [Гловели, 2016: 279, 291].

«Организационно-социологический» подход наметился уже в первой книге Богданова. Проследившая смену экономических формаций, он акцентировал роли господствующих классов и в хозяйственном прогрессе, и в эксплуатации трудовых низов [Богданов, 1897: 78, 66–67]. Еще более он подчеркивал роль буржуазии не только в организации предприятий, но и в накоплении знаний. Обращал особое внимание на то, что на достигнутой «синдикатской» стадии промышленного капитализма стремление буржуазии к постоянному повышению производительности труда вызвало значительный рост слоя ученых специалистов, способствующих прогрессу технических и тесно с ними связанных естественных наук [Богданов, 1897: 158, 231].

В последующих изданиях учебников политэкономии и в «социологическом» третьем томе философского трактата «Эмпириомонизм» (1906) Богданов развернул свое понимание эволюции господствующих классов в антагонистических формациях: сначала выполняют «организаторские» функции, но затем оставляют их и вырождаются в потребительско-паразитические слои, эксплуатирующие производителей. Однако буржуазия не только выжимает прибавочный труд рабочих-исполнителей, но и нанимает специалистов-инженеров и управляющих, от которых требует технической предприимчивости.

Таким образом, при тенденциях к прогрессу эксплуатации трудовых низов и к паразитической эволюции буржуазных верхов дело технического прогресса «не терпит существенного ущерба» [Богданов, 2003: 316].

Со своей стороны, пролетарии крупного машинного производства (в противоположность древним пролетариям и рабам, деградировавшим вместе с пресыщенными господами) шаг за шагом приобретают опыт сочетания исполнительского и организаторского труда [Богданов, 1990: 40]. Они контролируют машину, что требует «интеллигентности»; в своей экономической и политической борьбе ограничивают организаторскую роль капиталистов на предприятиях и во всей жизни общества. Рабочий класс не остается аморфной социальной массой и вырабатывает собственную нормативную идеологию – с формирующим принципом товарищеской солидарности и подчинения осознанным коллективным интересам общей борьбы – что и делает его «классом в самом полном и строгом значении этого слова» [Богданов, 2003: 322].

При этом пролетариат – «естественный наследник» всего «прогрессивного в материальной и духовной культуре» буржуазных классов, и особенный смысл имеет его учеба у промежуточной социальной группы, которую Богданов называл *технической интеллигенцией*, считая ее идеологией позитивистские школы философии [Богданов, 1909: 62, 96]. По его мнению, понимание практического характера науки и «враждебность метафизике» являются общим в идеологиях технической интеллигенции и рабочего класса, принципиальное отличие состоит в революционности пролетариата. Техническая интеллигенция *динамична*, выполняя организаторские функции в крупном промышленном производстве, но благодаря своему сравнительному экономическому благополучию на службе у капитала *социально консервативна* [Богданов, 1909: 103].

Основоположники русской социологии П. Лавров и Н. Михайловский, как известно, проповедовали особую историческую миссию русской интеллигенции и ее «долга перед народом». По словам Н. Бердяева, они «внесли чисто социальную струю в движение интеллигенции», тогда как выступившие с их резкой критикой марксисты 1890-х выдвинули на первый план «экономическую сторону социальных требований» [Бердяев 1999: 88, 89]. С начала XX в. русские дебаты об интеллигенции развернулись с новой силой, причем в них было заметно стремление точнее определить место интеллигенции в социальной структуре и в системе производственных отношений, хотя понятие «интеллигенция» и сохраняло «расплывчатость» [Дживелегов, 1914: 62].

Бердяев, порвав с марксистским социологическим монизмом и коллективизмом, провозгласил «сверхклассовость» интеллигенции как «аристократии духа», снedaемой «духовным голодом» и преодолевающей ограниченность материального интереса [Бердяев, 1903: 28]. Однако другой экс-марксист и веховец А. Изгоев высмеял «бердяевскую ложь», признав конститутивным признаком интеллигенции «элемент учительства в самом широком смысле слова». Хотя интеллигенция не имеет прямой связи с производством, но поскольку и в производстве, и в жизни в целом неуклонно растет значение научных методов, будет возрастать и роль интеллигенции как «путей сообщения», распространяющих в обществе научные знания [Изгоев, 1904: 86]. Земские деятели определяли интеллигенцию как «идейно-рабочую силу» [Блеклов, 1913: 249], находящую себя в роли «третьего элемента» (небуржуазного и непролетарского) кооперативных и других реформистских учреждений.

Одиозно известный Махайский, фатализируя противоположность между интеллектуальным и физическим трудом, отождествил интеллигенцию с частью буржуазии, владеющей особой формой собственности – научно-техническим знанием, а марксизму инкриминировал скрытую заинтересованность интеллигенции в дальнейшей эксплуатации рабочего класса под видом возмещения все более растущей доли общественного постоянного капитала [Вольский, 1904: 18]. Диаметрально противоположную «махеевщине» позицию выразил выдающийся физик Н.А. Умов, провозгласивший историческую миссию не «пролетариата физического труда», а «пролетариата мысли и воли, несущего знамя научного творчества» [Умов, 1906: 36].

А.А. Богданов, внимательно следивший за «научно-технической революцией, которая разворачивается на наших глазах» [Богданов, 1908: 66], прогнозировал, что в ходе прогресса крупнопромышленного производства «работа мысли получает все большее преобладание над работой мускулов» [Богданов, 1990: 91]. Но акцентировал проблему «недоступно-цеховой формы» специализированных знаний, которая делает науку привилегией технической интеллигенции, извлекающей из этого свою долю прибавочной стоимости, а несведущих работников физического труда обрекает «не знать, а только верить» [там же: 241]. Однако, в противоположность Махайскому, Богданов не считал это противоречие безысходным, а в отличие от Умова полагал, что «пролетариат мысли и воли» – новая интеллигенция – выйдет из рядов пролетариата физического труда [Богданов, 1911: 69] и сможет разрешить задачу «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу» [Богданов, 1990: 282] благодаря разработке всеобщей организационной науки, которая послужит методологической основой нового образования (в рабочих университетах) и новой – Пролетарской – энциклопедии [Богданов, 1911: 59–69].

В своей последней философской книге Богданов подчеркнул связь идеи универсальной «науки будущего» с совершенствованием машинной техники, которое уменьшает прежнее «резкое различие между исполнительским трудом рабочего и организаторским трудом ученого специалиста-инженера» [Богданов, 1913: 265]. А Пролетарской энциклопедии придавал значение для преобразования общества в социализм («коллективистский строй»), аналогичное роли «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в подготовке Французской буржуазной революции. Богданов, по-видимому, не знал, что ровно за столетие до его призыва к Пролетарской энциклопедии основатель утопического социализма А. де Сен-Симон (выдававший себя за ученика д'Аламбера) призывал к созданию «позитивной» Новой энциклопедии, соответствующей философии XIX в., которая, в отличие от критической философии просветителей¹, должна быть «изобретательной и организующей» [цит. по: Гладышев, 2003: 439]. Предназначение Новой энциклопедии Сен-Симон, в соответствии со своей философией истории, видел в содействии установлению научно-индустриального общества вместо военно-теократического.

Но если Сен-Симон ограничился краткими «эскизом» и «проспектом» Новой энциклопедии [Гладышев, 2003: 440–441; Гловели, 2003: 63], то Богданов, можно сказать, обосновал проект Новой рабочей энциклопедии. Он не замедлил с попыткой закладки основ новой «науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания», ориентированной на реализацию ключевой идеи социализма XIX в. – преодоления разделения труда. 1-й том главной книги Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» вышел в 1913 г., 2-й – с подзаголовком «Механизм расхождения и дезорганизации» – осенью 1917 г.; между ними были опубликованы две фундаментальные работы, посвященные злободневным приложениям организационного подхода: опыт еще одной новой науки – «идеологической» [Богданов, 1914] – и политическая экономия мирового военного кризиса [Богданов, 1916].

На 2-й том «Тектологии», как и на подготовленную сразу вслед за ним книгу «Вопросы социализма», лег трагический отпечаток разразившейся мировой войны, в которой Богданов участвовал в качестве врача одного из пехотных полков русской армии [Фаддеев, 2014: 27]. Опыт мировой войны, среди прочего, заставил признать «зияющую пропасть» между «минималистским классовым сознанием» пролетариата и «идеалом пролетарского социализма» [Богданов, 1990: 322, 349–350]. Но Богданов не отказался от самого пролетарского «коллективистского идеала», противопоставленного на завершающих страницах 2-го тома «Тектологии» идеалам других классов и социальных групп, в том числе идеалу, выдвигаемому технической интеллигенцией: ее верховодство в рациональной

¹ Примечательно также, что уже после смерти Богданова его бывший друг Ст. Вольский (Соколов) написал для возрожденной М. Горьким серии «Жизнь замечательных людей» биографию Сен-Симона, в которой характеризовал сен-симонизм как первую идеологию технической интеллигенции [Вольский, 1935: 213, 239].

организации труда и распределения, с обеспечением своих привилегий, но также и жизненно-удовлетворительных условий для пролетариата, а тем самым – классовой гармонии [Богданов, 2023: 360].

О технической интеллигенции Богданов писал и в книге «Вопросы социализма»², приписывая иллюзию захвативших власть большевиков-ленинцев о тождестве буржуазно-юнкерской организации производства с «планомерностью» и проведение ими на деле «военно-коммунистической» революции [Богданов, 1990: 316, 348]. Богданов вполне допускал, что объединенная социалистическими лозунгами рабоче-солдатско-крестьянская масса, тяготеющая к «социализму дележа», сможет выступить как «класс исторического момента», меняющий систему власти [Богданов, 1995: 89]. Но это отнюдь не означает преодоления «классовой стихийности» и перехода к «планомерной организации» хозяйства; нет оснований рассчитывать, что наемная техническая интеллигенция за умеренную плату организует хозяйственный план и, разрушая собственную привилегию, подготовит вооруженный пролетариат «к самостоятельному ведению всего дела» [Богданов, 1990: 319–320].

Но, критикуя большевиков во главе с В. Ульяновым-Лениным и Л. Троцким за вое низированный максимализм – эгалитаристский утопизм ближнего прицела, сам Богданов оставался утопистом дальнего прицела, или, как он сам говорил, «максималистом в вопросах культуры» [Богданов, 1924: 7]. Этот утопизм не означал, как сочинили позднейшие фальсификаторы, отрицания культурного наследия прошлого; он подразумевал отношение к индустриальному пролетариату как к новому социальному типу «с естественной и даже необходимой для него тенденцией» к «всеорганизационной точке зрения» [Богданов, 2023: 133]. Показательна богдановская переписка с экономистом Д. Опариным – преподавателем социологии в Угличском народном университете Ярославской губ. Признаваясь в «очень критическом» отношении к марксизму, Опарин выражал при этом свой восторг от учебников Богданова и его статей (включая «Очерки организационной науки») в журнале «Пролетарская культура» [Опарин, 1919: 1]. Но категорически не соглашался с тектологом в исключительной оценке рабочего класса, указывая на то, что с падением феодального строя дворянство «передало власть» не крестьянству, а «новому социальному образованию» – буржуазии. Аналогичный процесс Опарин усматривал в смене власти в российской республике после Октября 1917 г. – «на смену буржуазии придет не рабочий класс, а чиновничество» [там же: 2].

Богданов уклончиво ответил Опарину, что в «Вопросах социализма» как раз писал о «неподготовленности нынешнего пролетариата, как и нынешней науки, к решению задач планомерной организации общества» и считает очень вероятной «переходную фазу господства "социал-бюрократии"», точнее технической, главным образом, инженерской интеллигенции» [Богданов, 1995: 198]. Но индивидуалистическая ограниченность технической интеллигенции препятствует выполнению задачи «целостной, планомерной организации общества»; пролетариат, хотя стоит ниже технической интеллигенции по степени развития, но «выше» по социальному типу, аналогично тому, как городской ремесленник – зародышевый буржуа – по степени развития был ниже феодального жреца, а по типу – выше [там же: 197].

Этой механистической аналогией не исчерпывается, однако, социологический анализ Богдановым «организаторской интеллигенции, государственно-чиновничьей и технической», применительно к которой, как и применительно к пролетариату, им была поставлена проблема превращения в «класс для себя» [там же: 93].

Описанный Богдановым в «Тектологии» социальный идеал технической интеллигенции отсылал к европейским, особенно французским, реалиям. Но он полностью совпадает с зародившейся в то же время в США социологической «технократической» утопией

² Заметим, что Богданов начинал эту книгу с предсказания появившейся угрозы атомного самоуничтожения «раздробленного человечества», а завершал опасениями, что реакция «имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа» [Богданов, 1990: 297, 347].

под воздействием американского «научного менеджмента», возникшего в начале XX в. из учения об управлении капиталистическим предприятием, обоснованного Ф.У. Тейлором [Друри, 1924: 11–12].

Богданов одним из первых в России писал о «тейлоризме» как системе повышения производительности, достигаемого за счет «жесткой дрессировки» и «отупляющего напряжения» рабочих, дифференцируемых по способностям к оптимальным движениям и зарплате [Богданов, 1913: 15]. Однако один из выдающихся инженеров-менеджеров нового типа (efficiency engineers) Г. Гантт (1860–1919) обосновал во время мировой войны новый вариант тейлоризма – не только смягченный в интересах рабочих, но и дополненный графическим аппаратом планирования работы предприятия и оперативного управления ею. Кроме того, Гантт призывал инженеров к политической консолидации, чтобы добиваться от федерального правительства переноса правил «научного менеджмента» на промышленность в национальном масштабе, что означало бы переход полномочий по управлению государством к администрации из инженеров-менеджеров – в расчете на их способности обеспечить не только максимум национальной экономической эффективности, но и социальную гармонию [Akin, 1977: 51–57].

Эти призывы уже сразу после смерти Гантта подхватил Т. Веблен, который на протяжении 20 лет критиковал американский капитализм, излив немало желчи на «капитанов индустрии» – инвестиционных банкиров и биржевых дельцов, устранившихся от оперативного управления крупными предприятиями («абсентеистская собственность») и поглощенных акционерными спекуляциями и демонстративным потреблением. Иррациональности мира крупного бизнеса Веблен противопоставлял рациональность крупного машинного производства, считая ее носителями инженеров и технических экспертов. В цикле статей, составивших книгу «Инженеры и ценовая система» (1921), Веблен писал, что индустриальная диктатура корпоративных бизнесменов держится на покорности инженеров, которые могли бы использовать свою квалификацию для обеспечения не только бескризисного промышленного развития, но и роста благосостояния всех членов общества. Веблен призывал инженеров к устранению диктатуры иррационального бизнеса «всеобщей стачкой», чтобы затем провести эффективную реорганизацию промышленности и общества под руководством «Совета технических специалистов и солдатских депутатов» [Veblen, 1921: 82].

В 1920-е гг. проекты Гантта и Веблена получили в Америке название «технократии» [Akin, 1977: 25]. Редактор советского перевода книги Гантта указывал на схожесть его социального проекта с сен-симонизмом [Членов, 1923: 3]. Еще больше схожести было между социологией Веблена и социологией Богданова. Оба были методологами-эволюционистами, считали рационально организованное крупное машинное производство культуротворческим процессом, оценивали буржуазию как класс с тенденцией к потребительски-паразитическому вырождению: в «абсентеистскую собственность» (Веблен), «гипертрофию рантье́рства» [Богданов, 1990: 343].

Но в книге институционалиста-«технократа» Веблена вообще не говорилось об индустриальном пролетариате как классе, а отмеченную Богдановым индивидуалистическую ограниченность технической интеллигенции американские идеологи «технократии» 1920–1930-х испытали на себе сполна [Akin, 1977: 59–65]. Вопреки упованиям Т. Веблена, американские инженеры, привыкшие «переключаться с технического подхода на коммерческий», так и остались глухи к призывам «организоваться в самоуправляемую силу» и «решительно избавиться от абсентеистской собственности» [Veblen, 1921: 71–72, 81]. Впрочем, Веблен и сам не очень-то верил в «проявление классового сознания» инженеров и их способность к «сжатой и всеобъемлющей организованности» и разрыву с «преданностью коммерческой стороне дела» [ibid.: 71, 80, 74].

А.А. Богданов исследовал место и роль технической интеллигенции в социальной системе индустриального общества в контексте обозначенной в заключительном, 3-м томе «Тектологии» (1922) проблемы зависимости судьбы «новой буржуазии» от степени

ее «редуктивного» развития, а капиталистического общества в целом – «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» [Богданов, 2023: 563]. Но из-за развязанной с начала 1920-х гг. литературно-политической травли Богданова, спровоцировавшей его арест ГПУ осенью 1923 г., социологические экспликации его идей остались только в рукописных тезисах, опубликованных лишь в 1990-е гг. А прочитанный в Соцакадемии доклад «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания» был напечатан только в XXI в.

В этом докладе первый и единственный раз в трудах Богданова появился только начавший входить в социологический обиход термин «элита» [Богданов, 2004: 13]. Так были названы «лучшие представители французской науки», собранные в государственный комитет для решения проблемы топливообеспечения в национальном масштабе. Данным конкретным примером Богданов иллюстрировал послевоенный феномен возвышения научно-технических задач до государственного коллективно-страхового аспекта, т.е. опасения новой войны и неизбежного при ней разрыва международных экономических связей. Этим были обусловлены тенденции, с одной стороны, к аваркии, с другой стороны, к «сознательной интенсификации производительных сил» в рамках национальных хозяйств – более полного изыскания и освоения национальных природных богатств и внедрения методов лучшего использования наличных рабочих сил. Отсюда – и усиление тенденций к прикладным исследованиям, а в теории – к точному научному выяснению генезиса промышленных ресурсов, а также появление таких, по словам Богданова, «частных организационных наук», как «тейлоризм» и психотехника [там же: 13–14].

Масштабы задач, вставших перед «национально-государственным капитализмом», увеличили спрос на знания и умения технической интеллигенции. И если раньше она, фактически уже организуя крупное производство на службе у капитала, оставалась раздробленной социальной группой без классового самосознания, то в новых условиях Богданов прогнозировал превращение технической интеллигенции в «*klasse für sich*» («класс для себя») и даже в новую форму существования буржуазии как господствующего класса, сменяющую господство финансового (акционерно-рантьевого) капитала [Богданов, 1995: 102–103].

Завершающей работой, в которой рассмотрена техническая интеллигенция как категория, корректирующая марксистскую социологию, стали тезисы Богданова «Линии культуры XIX и XX века» (начало 1928 г.). В них тектолог, до того не отделявший особо техническую интеллигенцию от более широкой категории «организаторской интеллигенции» [Богданов, 2004: 19–20], уже жестко противопоставил инженерно-технических специалистов другой социальной группе наемно-организаторской интеллигенции, имеющей своей непосредственной базой не производство, а колоссально развившийся государственный аппарат с включенным в него милитаристским [Богданов, 1995: 131]. Это противопоставление связано с выделением двух главных «культурных линий новейшего капитализма» – «буржуазно-интеллигентского техницизма» и «норматизма». Первая линия характерна для мирного государственного капитализма, главным идеологом которого Богданов считал германского электропромышленного магната и министра иностранных дел В. Ратенау, убитого правыми националистами после того, как он подписал Рапалльский договор с советской Россией. Эту линию Богданов атрибутировал технической и экономической прогрессивностью, парламентским демократизмом и пацифизмом. Вторая же линия политически характеризуется антидемократизмом, национализмом и тенденциями к диктатуре вплоть до фашистской [там же: 132].

Поскольку пролетариат не выработал до конца своих организационных методов, он подчиняется этим основным культурным линиям, проникающим в рабочее сознание и рабочее движение. Первая линия выражается в определении непосредственных интересов пролетариата как повышении квалификации и заработка, приобщении к «общей» культуре, в политическом минимализме и понимании планомерной организации хозяйства в виде частных научно-технических задач. К этой линии тяготеют квалифицированные верхи пролетариата, близкие к технической интеллигенции по характеру своих трудовых

функций, обладающие организационным опытом, приобщившиеся к культуре старого мира и отчасти ассимилированные им, склонные к компромиссам.

Вторая линия характеризуется «пацифизмом государственно-условным, с уклоном в прямой антипацифизм по отношению к гражданской войне», представлением о достижении конечной цели как результате благоприятного соотношения боевых сил, пониманием задачи хозяйственной планомерности в государственно-регулятивном смысле: масштаб максималистский, но без сознания внутренних закономерностей организуемого процесса. «К этой линии тяготеют широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых, ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности» [Богданов, 1995: 134–135].

В своих неопубликованных работах Богданов, не упоминая СССР, отсылал к современной ему реальности «передовых капиталистических стран». Но сам он участвовал в отечественном движении за НОТ – научную организацию труда (с размахом и «советского тейлоризма», который Богданов критиковал, и исследований по психотехнике). И был, несомненно, осведомлен о масштабе поощряемой Советской властью работы по изысканиям и освоению национальных ресурсных богатств (здесь и план ГОЭЛРО, и деятельность легендарной КЕПС – Комиссии Академии наук по естественным производительным силам России). Что же касается характеристики «отражения культурной линии норматизма в рабочем классе», то явно имелись в виду не только западные страны, но и курс на «построение социализма в одной стране», проводимый «дуумвиратом Сталин – Бухарин» [Козн, 1986: 224]. Именно во время «дуумвирата» Бухарин договорился о встрече Сталина с тектологом, на которой было принято решение о создании в Москве первого в мире Института переливания крови во главе с Богдановым. И именно разрыв «дуумвирата» и разгром «правого уклона» Бухарина с последующей его дискредитацией как теоретика-«недиалектика» стали роковыми для судьбы научного наследия Богданова. Ведь «богдановщина» с «теорией равновесия» была объявлена методологическим источником «правого оппортунизма» в политике и «механицизма» в общепризнанном в 1920-е гг. популярном учебнике марксистской социологии – бухаринской «Теории исторического материализма». В стране «победившего социализма» работы Богданова, крупнейшего российского социалистического мыслителя XX в., были подвергнуты забвению либо извратительскому третированию как «махистские».

В начале 1920-х, перед вынужденным уходом из Пролеткульта, Богданов акцентировал, что программа пролетарской культуры – это путь к завоеванию для пролетариата лучших сил организаторской интеллигенции и одновременно к сплочению квалифицированных «верхов» и неквалифицированных «низов», отслоившихся внутри самого рабочего класса. Первым, накопившим немалый опыт на пути повседневной практической борьбы за свои интересы в рамках буржуазного общества, надо переучиваться, чтобы перейти от оппортунистически-организационной точки зрения к революционно-организационной. Вторым, менее ассимилированным капиталистическим строем, надо столь же многому научиться, чтобы перейти к научно-творческой точке зрения от наивно-боевого утопизма, сводящего социальное переустройство к победоносной гражданской войне и захвату власти [Богданов, 1995: 98, 100–101].

В последних социологических тезисах Богданов был уже вынужден признать, что пролетариат не оформил своей собственной культурной линии и потому обречен на подчинение культурным линиям буржуазии и технической интеллигенции – различным формам и оттенкам «техницизма» и «норматизма» [Богданов, 1995: 133–136]. «Всеорганизаторская роль» пролетариата оказалась утопией, как и многие другие элементы «монистичного» научного наследия Богданова.

Не подтвердился и прогноз превращения технической интеллигенции в новую форму буржуазии как господствующего класса: подобно пролетариату, техническая интеллигенция не состоялась как «класс для себя».

Но стоит согласиться с мыслью Богданова о «тектологической пригодности» многих отживших теорий и гипотез [Богданов, 2023: 384], иначе говоря, их эвристической ценности. И это относится к социологическим идеям самого Богданова, сохраняющим интерес не только в качестве «потерянного звена» парадигмы индустриального общества.

Восходящее к идеям Сен-Симона понятие социального «авангарда» обрело новую жизнь в учении Ленина об «авангардной» организации, осуществляющей от имени рабочего класса «диктатуру пролетариата», – партийно-советском аппарате [Ленин, 1967–1975, т. 42: 204]. Новая экономическая политика стала смычкой этого аппарата-«авангарда» не только с крестьянством, но и с технической интеллигенцией, привлекаемой как «спецы» на предприятия, в наркоматы, вузы, НИИ, академические и кооперативные учреждения и пр. Но амбивалентность «смычки» проявилась в оставленных В. Ульяновым-Лениным указаниях, с одной стороны, беречь каждого спеца, «как зеницу ока», с другой стороны, «выработать приемы ловли спецов и наказания их» [Ленин, 1967–1975, т. 44: 351, т. 52: 155]. На неприязненное отношение к «спецам» отреагировал А. Богданов в своем добавлении к пролеткультовским работам: предостерегая против «классовой» мстительности, он напоминал, сколько ученых и техников, сначала враждебных революции, «стали потом незаменимо полезными работниками в ее строительстве» [Богданов, 1924: 341]. Последний прижизненный выпад против самого Богданова был вызван тем, что он как директор пригласил руководить основными подразделениями Института переливания крови выдающихся специалистов в разных разделах медицины, но беспартийных [Богданов, 1995: 139–140].

Гибель ученого совпала с началом в СССР массовой кампании «спецеда» и сфабрикованных судебных процессов против технических специалистов-«вредителей»: инженеров, агрономов, экономистов (включая ближайшего друга Богданова В. Базарова). Одновременно с этим и с реорганизацией Академии наук была проведена масштабная реформа советского образования на всех уровнях, включавшая создание новых многочисленных технических вузов для подготовки новых инженеров и управленцев рабоче-крестьянского происхождения.

И. Сталин, ученик Ленина в яковинской политической стратегии и Богданова в марксистской политэкономии (но не в социологии!), фактически проводил в СССР ту линию «норматизма» в рабочем движении, которую Богданов определил как подчинение пролетариата организационным методам военно-чиновничьей интеллигенции, опирающейся на государственный аппарат с включенным в него милитаристским. Но линию, своеобразно переплетающуюся с линией «технизма». Система, провозглашенная Сталиным «победившим социализмом», была подобна еще одному из социальных идеалов, описанных тектологом в 1917 г.: «бюрократический социализм» с «патриархально-моральной монархической властью во главе» [Богданов, 2023: 360]. Но, во-первых, социальной базой и организационной идеологией этой системы стали не остатки старых сословий и католицизм, а «выдвиженцы» из народной массы и догматизированный марксизм как «религия класса» [Сталин, 1946–2006, т. 17: 636]. Во-вторых, ее необходимой частью стали, по выражению Сталина, «командные и инженерно-технические силы промышленности» – спешно сформированная из выходцев из рабочего класса его «собственная производственно-техническая интеллигенция» [Сталин, 1946–2006, т. 13: 66–67]. А иначе говоря – *режимопослушная технократия*.

Вопреки как «пролетарской» социологии А. Богданова, так и идеям Т. Веблена и его последователей, техническая интеллигенция в XX в. не состоялась как «класс для себя», как господствующая технократия или новая форма господства буржуазии. Хотя ее роль действительно значительно возросла в эпоху, наиболее благополучную и для капиталистической системы, и для СССР (1950-е – начало 1970-х). Это дало «советологам» основания для концепции «разделенного нового класса» в СССР [Parry, 1966], а поствебленовскому институционалисту Дж.К. Гэлбрейту – для выводов о трансформации капитализма в «государство благосостояния» под воздействием «техноструктуры» – институционализированной совокупности большого числа технических специалистов, целью

которой является рост масштабов производства, выгодный и для профсоюзных рабочих [Гэлбрейт, 1976: 114–115]. Отсюда следовал прогноз о «конвергенции» двух противоположных экономических систем в глобальном «новом индустриальном обществе». Он оказался неудачным: в конце XX в. «социалистическая» система была разрушена, а капиталистическая повернула вспять от Welfare State к новым разновидностям частных сверхприбылей и росту экономического неравенства.

В этот поворот сумела включиться и часть бывшей советской технократии, прошедшей путь от послушных исполнителей директив партийного вождя к основному субъекту прокапиталистической трансформации экономического строя России [Николаев, 2018: 88–92]. Причем капиталистическое «линяние» технократического корпуса, который можно рассматривать как одну из «вторичных» (по отношению к партноменклатуре) элит советского общества, имело двоякую особенность. Во-первых, техnobюрократия не выступила как идеологически оформленная социально-политическая сила, довольствовавшись присвоением значительной доли приватизированной госсобственности и сменой директорского статуса на положение части нового капиталистического класса (в терминах А. Богданова – переходом к «буржуазному делячеству»). Во-вторых, эта смена статуса техnobюрократических «верхов» сопровождалась (в отличие от технократических идеалов, выдвигавшихся Г. Ганттом и Т. Вебленом и описанных А. Богдановым) полным пренебрежением к жизненным условиям рабочего класса и вообще трудовых «низов».

* * *

Подытожим особенности постановки вопроса Богдановым о зависимости капиталистической эволюции общества «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» и от степени «редуктивного» развития буржуазии. Историческая социология в качестве объяснения причин возникновения капитализма именно в Западной Европе выдвинула наличие только на феодальном Западе уникальной комбинации «первичных» и «вторичных» (выходивших за рамки сословной иерархии) элит [Фурсов, 1990: 28–29]. Техническая интеллигенция, выделенная Богдановым как социологическая категория, была вторичной элитой уже в капиталистическом обществе, не позволившей в нем возобладать тенденциям «редуктивного развития». В советском обществе сформировалась и стала одной из вторичных элит своя техническая интеллигенция, и ее эволюция сыграла значительную роль и в крушении системы, и в особенностях «постсоциалистической» судьбы России. Вероятно, что дальнейшая судьба глобального капитализма зависит от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии не только «верхов» и «низов», но в особенности – вторичных элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт П. *Философия истории как социология*. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня, 1902.
- Бердяев Н.А. *Критика исторического материализма* // Мир Божий. 1903. № 10. С. 1–30.
- Бердяев Н.А. *Субъективизм и индивидуализм в общественной философии*. М.: Канон+, 1999.
- Блеклов С.М. *Земские учреждения* // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 21. М.: РБИ «Гранат», 1913. С. 223–259.
- Богданов А. *Мировые кризисы, мирные и военные* // Летопись. 1916. № 3, 4, 5, 7.
- Богданов А. *Наука об общественном сознании*. М.: Книгоизд-во писателей, 1914.
- Богданов А. *О пролетарской культуре*. Л.– М.: Книга, 1924.
- Богданов А.А. *Вопросы социализма: Работы разных лет*. М.: Политиздат, 1990.
- Богданов А.А. *Из психологии общества*. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906.
- Богданов А.А. *Краткий курс экономической науки*. М.: Изд-во А.М. Муриновой, 1897.
- Богданов А.А. *Культурные задачи нашего времени*. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911.
- Богданов А.А. *Между человеком и машиной (о системе Тейлора)*. СПб.: Прибой, 1913.
- Богданов А.А. *Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания* // Вестник МИАБ. 2004. № 2(18). С. 5–24.

- Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: АО печатного дела «Издатель», 1899.
- Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Тов-во «Знание», 1908.
- Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «Аиро-XX», 1995.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2023.
- Богданов А.А. Философия живого опыта. СПб.: М.И. Семенов, 1913.
- Богданов А.А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание», 1909. С. 35–142.
- Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003.
- Вольский А. (Махайский Я.В.). Умственный рабочий. Кн. 2. Научный социализм. Женева, 1904.
- Вольский Ст. Сен-Симон. М.: Молодая гвардия, 1935.
- Гладышев А.В. Миры К.-А. Сен-Симона. От старого порядка к реставрации. Саратов: Саратовск. ун-т, 2003.
- Гловели Г.Д. В поисках «планомерной прогрессивности»: идея Новой энциклопедии у Сен-Симона и Богданова // Вестник МИАБ. 2003. № 1(13). С. 56–73.
- Гловели Г.Д. Просветительское кредо А. Богданова: от тульского кружка к каприйской школе // Альтернативы. 2016. № 2. С. 77–91.
- Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
- Давыдов Ю.Н. Введение. Теоретическая социология и ее история // Очерки по истории теоретической социологии XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1994.
- Дживелегов А.К. Интеллигенция // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 22. М.: РБИ «Гранат». 1914. С. 59–61.
- Друри Г.Б. История и критика НОТ в Америке. Л.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1924.
- Изгоев А. Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 72–94.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии СПб.: Иван Лимбах, 1996.
- Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Michigan: ArdisPublishers, AnnArbor, 1986.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967–1975.
- Маравалль Х.А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс. 1991. С. 210–232.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Николаев А.Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 83–95.
- Опарин Д. Письмо А. Богданову // Личный архив Дж. Биггарта, 1919.
- Сталин И. Сочинения. Т. 1–18. М.: Политиздат; Тверь: НИК «Северная корона», 1946–2006.
- Умов Н.А. Эволюция живого и задачи пролетариата мысли и воли. М.: Творческая мысль, 1906.
- Фаддеев Т.Д. Жизнь на крови. Воспоминания о войне. 1914–1915 годы. М.: Радунница, 2014.
- Филиппов М.М. Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. 1897. № 1. С. 64–80; № 2. С. 40–67; № 3. С. 72–100; № 4. С. 16–35.
- Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейская цивилизация; социогенетические интерпретации // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 26–42.
- Членов С.Б. Предисловие // Гантт Г.Л. Организация труда. М.: ВСНХ, 1923.
- Akin W.E. Technocracy and the American Dream. 1900–1941. Berkeley, Los Angeles, L.: University California Press, 1977.
- Parry A. The New Class Divided. Science and Technology versus Communism. L., N.Y.: Macmillan, 1966.
- Veblen T.B. The Engineers and the Price System. N.Y.: B.W. Huebsch, Inc., 1921.

Статья поступила: 31.08.23. Финальная версия: 03.10.23. Принята к публикации: 08.10.23.

A.A. BOGDANOV AS A SOCIOLOGIST AND UTOPIAN: THE "KLASS FÜR SICH" PROBLEM

GLOVELI G.D.

HSE University, Russia

Georgy D. GLOVELI, Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the HSE University, Moscow, Russia (glovelig@mail.ru).

Abstract. The article explicates the sociological and socio-utopian aspects of the general organizational concept of the Russian scientist encyclopedist A.A. Bogdanov (1873–1928), who referred himself to the sociological school of Marx. Bogdanov's modification of the Marxist approach to the social structure of capitalist society is shown, emphasizing the problem of becoming a "class for itself" ("Klasse für sich"), on the one hand, for the industrial proletariat, on the other hand, for the social group of technical intelligentsia. Bogdanov's analysis of technical intelligentsia as a sociological category is considered in the context of the Russian debates of the early twentieth century. about the class nature of the intelligentsia, the American utopia of technocracy and the utopia of "proletarian culture" by Bogdanov himself.

Keywords: A.A. Bogdanov, Marxist sociology in Russia, "klasse für sich", proletariat, technical intelligentsia, social ideal, technocracy, socialism.

REFERENCES

- Akin W.E. (1977) *Technocracy and the American Dream*. 1900–1941. Berkeley, Los Angeles, London: University California Press.
- Bart P. (1902) *Philosophy of History as sociology*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya elektropechatnya. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1903) Criticism of historical materialism. *Mir Bozhij* [God's World]. No. 10: 1–30. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1999) *Subjectivism and Individualism in Social Philosophy*. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Bleklov S.M. (1913) Zemstvo institutions. In: *Encyclopedic dictionary "Granat"*. Vol. 21. Moscow: RBI "Granat": 223–259. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1914) *The science of public consciousness*. Moscow: Knigoizd-vo pisatelei. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1916) World crises, peaceful and military. *Letopis'* [Chronicle]. No. 3, 4, 5, 7. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1924) *About proletarian culture*. Leningrad – Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1995) Articles, reports, letters and memoirs. 1901–1928. In: *Unknown Bogdanov*. Book 1. Moscow: ITS "Airo-KHKH". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2004) Social and scientific significance of the latest trends in natural science. *Vestnik MIAB*. [Bulletin of the MIAB]. No. 2(18): 5–24. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1897) *A short course in economic science*. Moscow: Izd-vo A.M. Murinovi. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1899) *The main elements of the historical view of nature*. St. Petersburg: AO pechatnogo dela "Izdatel'". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1906) *From the psychology of society*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky i A. Charushnikov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1908) *The adventures of a philosophical school*. St. Petersburg: Tov-vo "Znanie". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1909) Philosophy of the modern naturalist. *Ocherki filosofii kolektivizma* [Essays on the philosophy of collectivism]. Sat. 1. St. Petersburg: Tov-vo "Znanie": 35–142. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1911) *Cultural tasks of our time*. Moscow: S. Dorovatovsky i A. Charushnikov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1913) *Philosophy of living experience*. St. Petersburg: M.I. Semenov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1913a) *Between man and machine (about Taylor's system)*. St. Petersburg: Priboy. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1990) *Questions of socialism: Works of different years*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2003) *Empiriomonism. Articles on philosophy*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2023) *Tectology: A universal organizational science*. 7th ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Chlenov S.B. (1923) Preface. In: Gantt G.L. *Labor Organization*. Moscow: VSNKH. (In Russ.)
- Cohen S. (1986) *Bukharin and the Bolshevik Revolution*. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor. (In Russ.)
- Davydov Yu.N. (1994) Introduction. Theoretical sociology and its history. In: *Essays on the history of theoretical sociology of the XIX – early XX*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Drury G.B. (1924) *History and criticism of MUSIC in America*. Leningrad: Izvestia TSIK SSSR i VTSIK. (In Russ.)
- Dzhivelegov A.K. (1914) Intelligentsia. In: *Encyclopedic dictionary "Granat"*. Vol. 22. Moscow: RBI "Granat": 59–61. (In Russ.)

- Faddeev T.D. (2014) Life on blood. Memories of the war. 1914–1915. Moscow: Radunitsa. (In Russ.)
- Filippov M.M. (1897) The sociological teaching of Karl Marx. *Nauchnoye obozreniye* [Scientific Review]. No. 1: 64–80; No. 2: 40–67; No. 3: 72–100; No. 4: 16–35. (In Russ.)
- Fursov A.I. (1990) The emergence of capitalism and European civilization: sociogenetic interpretations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1990. No. 10: 26–42. (In Russ.)
- Galbraith J.K. (1976) *Economics and the Public Purpose*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gladyshev A.V. (2003) *The worlds of K.-A. Saint-Simon*. From the Old Regime to the Restoration. Saratov. Saratovsk. un-t. (In Russ.)
- Gloveli G.D. (2003) In search of “planned progressivity”: the idea of a New Encyclopedia by Saint-Simon and Bogdanov. *Vestnik MIAB* [Bulletin of MIAB]. No. 1(13): 56–73. (In Russ.)
- Gloveli G.D. (2016) Educational credo of A. Bogdanov: from the Tula circle to the Caprian school. *Al'ternativy* [Alternatives]. No. 2: 77–91. (In Russ.)
- Izgoev A. (1904) Intelligentsia as a social group. *Obrazovanie* [Education]. No. 1: 72–94. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1996) *Fundamentals of Russian sociology*. St. Petersburg: Ivan Limbach. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1967–1975) *The complete works*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Maravall H.A. (1991) Utopia and reformism. In: *Utopia and utopian thinking*. Moscow: Progress: 210–232. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955–1981) *Collected works*. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Nikolaev A.N. (2018) Formation and transformation of the Soviet technocratic elite. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2: 83–95. (In Russ.)
- Oparin D. (1919) *Letter to A. Bogdanov*. Personal archive of J. Biggart. (In Russ.)
- Parry A. (1966) *The New Class Divided. Science and Technology versus Communism*. London, New York: Macmillan.
- Stalin I. (1946–2006) *Works*. Vol. 1–18. Moscow: Politizdat; Tver: NIK “Severnaya Korona”. (In Russ.)
- Umov N.A. (1906) *The evolution of the living and the tasks of the proletariat of thought and will*. Moscow: Tvorcheskaya mysl. (In Russ.)
- Veblen T.B. (1921) *The Engineers and the Price System*. New York: B.W. Huebsch, Inc.
- Volsky A. (Makhaisky Ya.V.) (1904) *Mental worker*. Vol. 2. Scientific Socialism. Geneva. (In Russ.)
- Volsky St. (1935) *Saint-Simon*. Moscow: Molodaja Gvardija. (In Russ.)

Received: 31.08.23. Final version: 03.10.23. Accepted: 08.10.23.